Глава 2.

Методология исследования

При сборе эмпирического материала для настоящего исследования в качестве основного метода нами использован опрос двух категорий респондентов: политиков (партийных функционеров) из всех наиболее электорально значимых партий и независимых экспертов, занимающихся проблемами партийной системы. В настоящей главе представлены принципы, которыми мы руководствовались при отборе вопросов для включения в анкету опроса и при составлении выборок респондентов. Представляем также детальную информацию об анкете и основных социально-демографических характеристиках респондентов, составляющих выборку партийных функционеров.

Опросы партийных функционеров (известные в научной литературе также как опросы партийных элит) и опросы экспертов являются двумя наиболее часто используемыми способами оценки позиций партий по основным вопросам политической конкуренции. В научной литературе продолжается дискуссия о преимуществах опроса той или другой категории респондентов.[1] Важной особенностью нашего исследования является тот факт, что мы анализируем и сравниваем результаты опросов обеих категорий респондентов. В сравнительных исследованиях партийных систем нескольких стран возможность параллельного проведения обоих типов опросов зачастую затруднена необходимостью привлечения значительных ресурсов и сложностями, связанными с координацией процесса. Опубликованные работы чаще всего основаны на данных опроса только одного типа респондентов, исходя из определенных предпочтений исследователей, а также в зависимости от конкретных задач исследования.[2]

Опросы партийных функционеров и экспертов с целью определения деталей позиционирования политических партий, проводятся, как правило, вскоре после парламентских выборов. Проведение опросов именно в этот период повышает вероятность того, что респонденты в своих ответах

1 Peter Mair, "Searching for the positions of political actors," in Michael Laver, ed.,. Estimating the policy positions of political actors, London ; New York : Routledge, 2001, pp. 11-30.

2 Примером исследования, которое базируется на результатах только экспертных опросов, является, например, Kenneth Benoit and Michael Laver, "Party Policy in Modern Democracies", London; New York: Routledge, 2007. Пример исследованния базированного на опросах партийных элит (функционеров) - Herbert Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, and G. Toka. *Post-communist party systems competition, representation and inter-party cooperation*, Cambridge.:Cambridge University Press, 1999

наиболее адекватно отразят нюансы позиционирования партий, поскольку всплеск политической активности, которым сопровождаются выборы, произошел относительно недавно. При организации опросов наших двух категорий респондентов мы придерживались такой же логики: опросы проводились на протяжении декабря 2005 г. – февраля 2006 г., то есть по истечении менее года после окончания парламентских выборов.

Подбор вопросов для анкеты

Оба варианта анкеты опроса – для партийных функционеров и экспертов – состояли из двух частей. Первая часть анкеты включала вопросы, призванные отразить детали позиционирования партий по основным политическим вопросам. Существенные отличия в подходе политических партий к этим вопросам составляют основу партийной программной конкуренции и играют важную роль в определении партийного поведения на политической арене. Во вторую часть анкеты были включены вопросы о внутренней организации партии и деятельности партийных функционеров. Эти вопросы не касались проблем идеологической конкуренции и программного позиционирования. Их целью было выявление сходства и различий в подходах политических партий к распределению властных прерогатив между различными органами партии[3], к порядку финансирования партийной деятельности, и к организации работы партийных организаций. Различные цели, преследуемые каждой из частей анкеты, предопределили разницу в подходах к формулировке вопросов и использованию шкал измерения.

Вопросы программного/идеологического позиционирования. Формулировка вопросов программного позиционирования являлась важным элементом в процессе организации нашего исследования. Как указывают Китчелт и соавторы, вопросы, подлежащие включению в эту часть анкеты, можно рассматривать сквозь призму теории политической семантики.[4] Три уровня политической аргументации можно выделить на основе постулатов данной теории. На наиболее абстрактном уровне политические аргументы основаны на идеологических и философских понятиях и принципах. Они указывают на политические различия наиболее общего характера: либерализм и социализм, традиционализм и модернизация и т.д. На втором, менее

3 Вопросы внутрипартийного распределения власти были одним из предметов исследования, например, в Michael Laver and Ben Hunt, *Policy and Party Competition,* London: Routledge 1992.

4 Kitschelt et al., 1999.

абстрактном уровне, политические отличия основываются на различных подходах, связанных, например, со следующими проблемами: на какие цели следует использовать имеющиеся ресурсы (как правило, ограниченные) и какие институциональные нормы должны регулировать процесс распределения ресурсов. На третьем, наиболее конкретном уровне политические отличия основываются на различном подходе к отдельным законопроектам и конкретным политическим вопросам.

Основная масса вопросов в нашей анкете была сформулирована на основании второго уровня абстрактности, поскольку этот уровень позволяет наиболее полно отразить различные аспекты конкуренции между партиями. Подлежащие включению в анкету вопросы должны были соответствовать следующим двум критериям. Во-первых, они должны были быть актуальными и резонансными. На предварительной (пилотной) стадии проведения нашего исследования мы использовали анкету для опроса нескольких партийных функционеров и экспертов с целью выявления резонантности вопросов. В результате, некоторые вопросы были исключены из окончательного варианта анкеты. Так, например, традиционный в ранних исследованиях пост-коммунистических обществ вопрос о приватизации земли перестал быть актуальным к концу '90-х годов. Во-вторых, вопросы должны были быть спорными, то есть вопросы, в отношении которых существуют *позиционные альтернативы* для партий. Поэтому мы попытались, по возможности, избежать включения в анкету вопросов, по которым между партиями нет серьезных различий и по которым партии оспаривают только способности своих конкурентов реализовывать определенный политический курс. Это, так называемые, *валентн*ые вопросы. Примером валентного вопроса в случае Республики Молдова может служить вопрос о необходимости реинтеграции Приднестровья: ни одна из электорально успешных партий не ставит под сомнение необходимость усилий по реинтеграции данного региона.

Для проведения опроса партийных функционеров и членов экспертного сообщества по проблемам программного позиционирования партий мы использовали так называемую шкалу Ликерта[5]. Респондентам предлагалось по 10-бальной шкале оценить позиционирование политических

5 Описание различных шкал, используемых в социальных исследованиях, дается, например, в Robert F. DeVellis, Scale Development: Theory and Applications (Applied Social Research Methods) (Sage Publications, 2003).

партий по каждому вопросу. Партийные функционеры должны были указать позиции, которые, по их мнению, занимает по конкретному вопросу партия, которую они представляют, а также позиции других политических формирований (конкурирующих партий), включенных в опросник. Формат вопросов по программному позиционированию представлен в Приложении I.

Экспертам было предложено, также как и партийным функционерам, оценить позиции партий на текущий момент (декабрь 2005 г. – февраль 2006 г.). Вариант анкеты для опроса экспертов включал весь наборов вопросов, предложенных в анкете для партийных функционеров, но ставил перед экспертами две дополнительные задачи: дать самооценку собственных позиций и ретроспективную оценку позиций, занимаемых политическими партиями в 2001 году.

Самооценка экспертами своих личных позиций была интересной в силу того, что политические предпочтения экспертов являются важным фактором формирования общественного мнения и, как свидетельствует дискуссия, представленная в главе 5, могут опосредованно (путем участия в формировании общественных настроений) влиять на изменение позиций политических партий. Однако в связи с большим объемом анкеты и приоритетностью других целей опроса экспертов, мы ограничились, при составлении анкеты, опросом их личных позиций только по вопросам, связанным с урегулированием приднестровского конфликта.

Ретроспективная оценка экспертами позиций партий была призвана отразить позиционирование партий в 2001 году.[6] В среде молдавских аналитиков существует мнение, что парламентские выборы 2001 года ознаменовали кардинальные изменения в партийной системе Молдовы.[7] Эти изменения характеризуются, прежде всеґо, приходом к власти коммунистической партии, который положил начало длительному периоду доминирования этой партии в молдавской политической жизни. Исходя из этого, 2001 год выбран в качестве базового для изучения динамики изменения позиций главных политических партий. В раздел анкеты, касающийся партийного позиционирования в 2001 году, было включено большинство вопросов, предложенных в разделе анкеты для 2006 года. Некоторые вопросы

6 Часть анкеты, касающаяся ретроспективной оценки позиций партий была заполнена только 10 из 11 опрошенных экспертов.

7 Вопросы периодизации развития партийной системы Молдовы проанализированы в статье Игоря Боцана, «Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития», Политическая наука, 1 (Москва: Российская академия наук, 2006), сс.168-214.

не были включены в силу их неактуальности в 2001 году. Полный список вопросов и формулировка альтернатив ответов по каждому вопросу представлены в Приложении II.

Вопросы о внутренней организации партий. Структура второй части анкеты, посвященной вопросам внутренней организации политических партий, имела несколько отличительных характеристик. В отличие от первой части анкеты, во второй части партийные функционеры должны были оценить ситуацию только в своей партии. Вопросы внутренней организации партийной жизни, как правило, не являются элементом стратегии построения имиджа, который партии создают для конкурентного и публичного состязания с другими партиями за голоса и поддержку избирателей. В результате, вероятность того, что функционеры одних партий значительно менее осведомлены о внутрипартийных организационных решениях других партий, намного выше, чем вероятность их неосведомленности о программных позициях, которые занимают конкурирующие партии.

Во вторую часть анкеты для партийных функционеров были включены два типа вопросов. По первому типу вопросов от респондентов требовалось оценить (по 10-бальной шкале) значение различных факторов, влияющих на внутренние процессы в партии и характер деятельности местных партийных организаций. Другой тип вопросов носил фактологический характер и от респондентов требовалось лишь указать такие конкретные данные как, например: численность местной партийной организации, которую представляет респондент; оплачиваемый или неоплачиваемый характер партийной должности, которую он занимает. Подробная информация о вопросах, включенных в эту часть анкеты для партийных функционеров, представлена в Приложении III.

В силу того же обстоятельства, что вопросы внутренней организации партий носят намного менее публичный характер, чем вопросы программного позиционирования, сообщество экспертов может обладать только довольно общим пониманием внутрипартийных процессов. Исходя из этого, вторая часть нашей анкеты для экспертов включала вопросы более общего характера, чем вопросы, включенные в соответствующую часть анкеты для функционеров. В ней экспертам предлагалось охарактеризовать только наиболее общие сходства и различия во внутренней организации политических партий. Структура вопросов для экспертов представлена в Приложении IV.

Выбор партий и респондентов для включения в исследование

Критерием отбора политических формирований послужил процент голосов, набранных на последних парламентских выборах 6 марта 2005 года. В исследование были включены политические партии и блоки, получившие более 2% голосов. Таким образом выборка включает шесть партий: Партию коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), Альянс «Moldova Noastră» (АМН), Христианско-демократическую народную партию (ХДНП), Демократическую партию Молдовы (ДПМ), Социал-либеральную партию (СЛП), Социал-демократическую партию Молдовы (СДПМ), и политический блок "Патрия-Родина-Равноправие" (П-Р-Р), находящийся в процессе слияния. Краткая характеристика данных формирований представлена в Приложении V.

Общее число опрошенных партийных функционеров составило 101 человек. Распределение по партиям было следующим: ПКРМ – 15, АМН – 15, ХДНП – 15, ДПМ – 15, СЛП – 15, СДПМ – 15, П-Р-Р – 11. Представительство функционеров П-Р-Р в общей выборке оказалось меньшим в силу того , что данное политическое формирование по сравнению с другими партиями, включенными в исследование, имеет ограниченное число территориальных организаций. Этот политический блок имеет организационные структуры только в нескольких административно-территориальных единицах в северной зоне, в основном в муниципии Бэлць, в автономно-территориальном образовании Гагаузия (Гагауз-Ери), а также в муниципии Кишинэу.

Число респондентов в нашей выборке – 101 человек – соизмеримо с числом респондентов в выборках, использованных в других исследованиях, основанных на опросе партийных функционеров. Часто цитируемое, как в настоящей, так и в предыдущей главе, исследование Китчелта и его коллег основывалась на выборках размером 100-135 респондентов для каждой из восточноевропейских стран, включенных в их исследование. В соотношении к числу местных партийных организаций, которое зависит от численности населения страны, наша выборка включала больше респондентов, чем выборки, созданные Китчелтом и его коллегами для Болгарии, Чехии, Польши и Венгрии.[8] Пропорционально к числу местных партийных организаций наша выборка также больше выборки, включающей 360 рес-

8 Herbert Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, and G. Toka. *Post-communist party systems competition, representation and inter-party cooperation*, Cambridge.:Cambridge University Press, 1999

пондентов, которую Китчелт и Смит использовали для исследования партийной системы России.[9]

Отбор респондентов из числа партийных функционеров был организован следующим образом. На начальной стадии исследования мы обратились в секретариаты политических партий с просьбой предоставить нам имена, по крайней мере, трех функционеров партии в каждом из следующих 5 географических регионов: Север, Центр, Юг, АТО Гагауз-Ери и муниципий Кишинэу.[10] АТО Гагауз-Ери – единственный регион, где мы столкнулись с трудностями в определении респондентов. Только ПКРМ, П-Р-Р и в меньшей степени АМН имеют организационное представительство в автономии. Низкий уровень организационного представительства партий в этом регионе, возможно, является отражением недостаточной интеграции Гагаузии в общенациональный политический процесс.

Наша вторая выборка – выборка экспертов – включала 11 членов сообщества экспертов. Численность респондентов в выборках экспертов, как правило, значительно ниже, чем численность респондентов в выборках партийных функционеров.[11] Кандидатуры экспертов для включения в наш опрос отбирались исходя из их статуса, знаний и опыта в области исследовании проблем, связанных с функционированием партийной системы. Эксперты представляли различные сегменты гражданского общества: аналитические центры (Институт публичной политики IPP, ассоциация «ADEPT», Институт по развитию и социальным инициативам "Viitorul"), средства массовой информации (радио "Свободная Европа", газета "Молдавские ведомости", газета "Jurnal de Chişinău"), а также академические центры (Государственный университет Молдовы, Институт политических наук и международных отношений).

9 H. Kitschelt, and R. Smyth. Programmatic Party Cohesion in Emerging Postcommunist Democracies: Russia in Comparative Context. Comparative Political Studies 35:12-28, 2002.

10 **Руководство всех партий оказалось открытым к сотрудничеству и способствовало проведению исследования. Вопреки** нашим ожиданиям, некоторые проблемы возникли с опросом респондентов ХДНП - одной из первых демократических партий в Молдове. Связано это было, скорее всего, с внутренним кризисом в партии – уходом из партии генерального секретаря И.Нягу и, последовавшей неопределенностью в вопросе ориентации местных организаций. В конечном счете, ответственные лица из генерального секретариата ХДНП поспособствовали установлению контактов с местными партийными лидерами и проведению опроса.

11 J. Huber and R. Inglehart. Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 societies. *Party Politics* 1 (1):73-111, 1995; Michael Laver and W. Ben Hunt. *Policy and party competition*, New York; London: Routledge, 1992.

Подходы к представлению данных. Обработка результатов опросов

Опросы респондентов (партийных функционеров и экспертов) по вопросам программного позиционирования партий осуществлялись на основе шкалы Ликерта. В Приложении I представлен фрагмент опросника. Партийные функционеры должны были указать позиции, которые, по их мнению, занимает по каждому конкретному вопросу их собственная партия, а также конкурирующие партии, включенные в опросник. Задачей экспертов также была оценка позиций всех партий по всем вопросам. *Единицей измерения* в нашем исследовании служила оценка, которую каждый из респондентов дал каждой партии по каждому вопросу. *Единица измерения*, однако, отличалась от *единицы анализа,* которой в нашем случае служили различные партийные характеристики (характер позиционирования по конкретному вопросу, важность вопроса для партии, четкость партийной позиции). Эти характеристики были получены путем обобщения индивидуальных ответов респондентов и использования разных типов среднеарифметических оценок.

В последующих главах часто будут использоваться два типа среднеарифметических оценок: оценки, основанные на результатах полной выборки респондентов (партийных функционеров или экспертов), и оценки, основанные на ответах респондентов, принадлежащих к одной и той же партии (только для выборки партийных функционеров). Так, например, оценка позиции партии ***A*** по вопросу ***j*** может быть представлена как среднеарифметический результат индивидуальных оценок позиции партии ***A*** по вопросу ***j*** всеми респондентами из выборки партийных функционеров (101 респондент) или как среднеарифметический результат индивидуальных оценок только тех респондентов, которые являются функционерами партии ***A***. Для обозначения второго типа среднеарифметических оценок нами использован термин «партийная самооценка».

Возможны и другие формы использования и обобщения индивидуальных оценок респондентов. Сравнивая, например, как функционеры партии ***A*** позиционировали собственную партию по вопросу ***j*** с тем, как позиционировали партию ***A*** по тому же вопросу ***j*** функционеры из партий ***B, C, D*** и т.д., можно выявить асимметрию в суждениях партийных функционеров. Такая асимметрия может быть объяснена либо недостаточным знанием позиции партии политиками извне, либо сознательной стратегией на ошибоч-

ное представление позиции партии-конкурента, особенно по *валентным* вопросам.

Мы не станем занимать место обсуждением отдельных среднеарифметических баллов, которыми респонденты партий ***B, C, D*** или ***E***, каждый в отдельности, оценили позицию партии ***A*** по вопросу ***j***. Такая информация необходима для понимания *асимметрии*, которая существует во взаимном восприятии. Исходя из значения этой информации, детали взаимных оценок представлены в приложениях VI, VII.

Характеристики респондентов из выборки партийных функционеров

В число респондентов вошли партийные функционеры местного и центрального уровней. Наш изначальный план опросить местных функционеров из трех отдельных местных организаций каждой партии в каждой из пяти географических зон был несколько изменен, поскольку не все политические партии располагали достаточным количеством территориальных организаций в каждой из зон. Поэтому в случае, когда общественно-политическое формирование не располагало достаточным числом территориальных организаций в определенной зоне, опрашивались партийные функционеры из центрального офиса партии. . В таблице 2.1 представлено распределение респондентов по партиям и географическим зонам.

Таблица 2.1. Территориальное распределение респондентов

Зона Уровень	Районы/сектора, охваченные исследованием	ПКРМ, респ.	АМН, респ	ХДНП, респ.	ДПМ, респ.	СЛП, респ.	СДПМ, респ.	П-Р-Р, респ.	Общее кол-во респонд. в зоне
Зона 1 Север	**Бричень**, **Дрокия**, Дондушень, **Единец**, **Флорешть**, **Глодень**, **Окница**, **Сорока**, **Бэлць**, **Сынджерей**, **Рышкань**, **Фэлешть**	3	3	4	3	3	3	3	22
Зона 2 Центр	**Кэлэрашь**, **Унгень**, **Орхей**, Шолдэнешть, **Резина**, Теленешть, **Анений Ной**, Криулень, **Стрэшень**, Хынчешть, **Яловень**, **Ниспорень**	4	6	3	3	3	3	0	22
Зона 3 Юг	**Кахул**, **Чимишлия**, Басарабяска, **Штефан Водэ**, **Кэушень**, **Леова**, Кэинарь, **Тараклия**, **Кантемир**	3	1	3	3	3	3	0	16
Зона 4 Гагаузия	**Комрат**, **Чадыр-Лунга**, **Вулкэнешть**	2	1	0	0	0	0	2	5
Зона 5 Кишинэу	**Ботаника**, **Буюкань**, **Рышкань**, **Центру**, **Чокана**	3	3	3	3	3	3	3	21
Зона 0 Национальный уровень	**Республика Молдова**	0	1	2	3	3	3	3	15
	Всего респондентов	15	15	15	15	15	15	11	101

Примечание. районы/сектора, выделенные **жирным** шрифтом, были представлены, по крайней мере, одним респондентом

Как следует из данных таблицы 2.1, только Гагаузия оказалась зоной, в которой мы не смогли опросить партийных функционеров четырех из семи партий, включенных в исследование. ПКРМ, П-Р-Р и, в меньшей степени АМН, были представлены в опросе респондентами из Гагаузии, в то время как для остальных партий, очевидно, является затруднительным

обеспечить свое представительство в регионе. Низкий уровень представительства политических партий в гагаузском регионе (который испытал серьезные трудности в налаживании отношений с центральными органами государства в начале девяностых годов) может свидетельствовать о продолжающейся проблеме интеграции гагаузского меньшинства в общенациональные политические процессы.

Только в случае ПКРМ нам не пришлось прибегать к опросу функционеров центрального уровня, что свидетельствует о высоком уровне территориальной разветвленности местных организаций этой партии, а следовательно, представительства коммунистов на местах. На последнем месте по территориальному представительству оказалась П-Р-Р, респонденты которой, как следует из таблицы, отсутствовали в двух из пяти зон, в которых проводилось исследование.

Большинство респондентов из полной выборки партийных функционеров, данные о которой приведены в таблице 2.1, представляет сельскохозяйственные регионы поскольку все географические зоны являются в основном аграрными зонами, за исключением столицы – мун.Кишинэу, а также мун.Бэлць в северной зоне. Остальные города, несмотря на то, что имеют определенный промышленный потенциал, в частности, заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, не могут считаться промышленными центрами, поскольку жители этих населенных пунктов не являются достаточно урбанизированными и сохраняют ценности, характерные для сельского населения.[12]

Такие социально-демографические показатели респондентов как род занятий, возраст, пол также представляют интерес, поскольку по ним можно судить о том, представители каких социальных и демографических групп являются наиболее потенциально активными участниками процесса партийного строительства. Однако следует отметить, что данные, представленные на следующих страницах, отражают различия между респондентами нашей выборки, а не партий в целом.

В таблице 2.2 представлены данные по роду профессиональной деятельности респондентов. Кроме деталей о процентном соотношении представителей разных профессиональных категорий внутри партии, таб-

12 При анализе полученных данных было выявлено, что региональные различия не играют существенной роли в определении партийной позиции. Поэтому региональный аспект мало затронут при представлении результатов в последующих главах данного исследования.

Таблица 2.2. Распределение респондентов согласно роду профессиональной деятельности

	ПКРМ %	АМН %	ХДНП %	ДПМ %	СЛП %	СДПМ %	П-Р-Р %	Средн. %
Юристы	6,7		6,7				9,1	3,2
Экономисты/финансисты	6,7					6,7	18,2	4,5
Инженеры	20,0						27,3	6,8
Фермеры		6,7						1,0
Медики	6,7				13,3	6,6		3,8
Журналисты			6,7				9,0	2,2
Преподаватели университетов/исследователи				6,7	20,0	6,6	9,1	5,6
Педагоги	13,3	13,3	20,0	13,3	20,0	13,3	18,2	15,9
Директора школ		13,3			6,7			2,9
Местные советники	6,7							1,0
Депутаты	26,7	6,7	13,3					6,7
Мэры				6,7	6,7	6,7		2,9
Предприниматели/бизнесмены		33,3	13,3	6,7	13,3	26,6	9,1	14,6
Директора государственных предприятий				6,7				1,0
Рабочие			6,7					1,0
Работники неправительственных организаций				6,7	6,7			1,9
Студенты			20,0	6,7	13,3	6,6		6,7
Пенсионеры	6,7		6,7			6,6		2,9
Государственные служащие	6,7	6,7		40,0		6,7		8,6
Партийные функционеры		20,0	6,7	6,7		6,7		5,7
NO DATA						6,6		0,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: Поскольку сотые доли были округлены до десятых, итоговая цифра может не соответствовать 100%

лица дает обобщенные (среднеарифметические) данные для партийной системы в целом.

Данные, представленные в таблице – результат самоидентификации респондентов. Анкета, которую респондентам было предложено заполнить в ходе опроса, включала вопрос открытого типа о профессиональной деятельности (вопрос открытого типа означает отсутствие каких-либо ограничений в выборе ответа). Из данных таблицы следует, что наиболее часто встречаемыми профессиональными категориями среди респондентов были *педагоги* и *предприниматели*. Очевидно, что партийные функционеры с таким профессиональным прошлым привносят разный опыт и разные навыки в работу партийных организаций. Навыки и знания членов этих профессиональных групп могут, в некоторой мере, рассматриваться как дополнительные.

Число респондентов, указавших, что их профессиональным занятием является политическая деятельность (к категории профессиональных политиков можно отнести респондентов, которые самоидентифицировали

себя как депутат, местный советник, мэр, или партийный функционер) варьировалось между партиями. Как и следовало ожидать, наиболее значительной доля профессиональных политиков оказалась в правящей партии – ПКРМ. Если прибавить к числу депутатов ПКРМ (26,7%) число местных советников (6,7%), можно отметить, что треть респондентов из этой партии занимают представительские должности в государственных органах.

Интересной представляется профессиональная структура респондентов из ДПМ. Значительную долю респондентов из этой партии составили государственные служащие (40%). Однако в целом по выборке респондентов из всех партий доля государственных служащих оказалась не столь высокой (8,6%), что, вероятно, свидетельствует о способности молдавской политической системы избежать рисков, связанных с высоким уровнем политизации государственной службы.[13]

В профессиональной структуре респондентов АМН и СДПМ преобладали представители предпринимательской среды (соответственно 33,3 и 26,6%), в то время, как в П-Р-Р – инженеры (27,3%), в СЛП – представители академической среды (20%) и педагоги (20%), а в ХДНП – педагоги (20%) и студенты (20%).

Таблица 2.3. Половая структура выборки респондентов (по партиям)

	КПРМ	АМН	ХДНП	ДПМ	СЛП	СДПМ	П-Р-Р
	%	%	%	%	%	%	%
Мужчины	80	93,3	66,7	73,3	86,7	73,3	81,8
Женщины	20	6,7	33,3	26,7	13,3	26,7	18,2

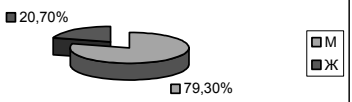
В таблице 2.3 представлены данные о половой структуре выборки респондентов для каждой партии. Очевидное преобладание мужчин в нашей выборке отражает, скорее всего, и общую тенденцию в партийной системе в целом.

По примеру Европейской народной партии, а также других компонентов Христианско-демократического Интернационала, члены ХДНП организовали секторальные организации, являющиеся филиалами партии – организация медиков, организации некоторых других профессиональных групп, молодежная организация и женская христианско-демократическая

13 О Проблемах, связанных с политизацией государственной службы в странах Центральной Европы, см.: Anna Grzymala-Busse **Redeeming the Communist Past: The Regeneration of Communist Successor Parties in East Central Europe (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).**

организация. Все они представлены в руководящих органах ХДНП, что, скорее всего, сыграло позитивную роль в активизации участия женщин в партийном строительстве. К тому же, на последних парламентских выборах в список кандидатов от этой партии мужчины и женщины были включены в соотношении 50 на 50. Таким образом, около половины депутатов парламентской фракции ХДНП составили женщины.

График 1. Половое распределение респондентов (полная выборка)



Наименьшей доля женского представительства оказалась в выборке АМН[14]. Относительно низко представительство женщин и в выборке СЛП, хотя одним из основателей этой партии была Демократическо-христианская лига женщин[15]. Доля респондентов женского пола в других политических формированиях была близка к среднему показателю по партийной системе – около 20%[16].

В заключение, на основе данных выборки нашего исследования можно предположить, что женщины недостаточно представлены в молдавской партийной системе. Политики-мужчины преобладают во всех партиях, включенных в выборку. В некоторой мере такое явление можно объяснить традиционным характером молдавского общества, преобладанием мнения, что политика – занятие исключительно мужское.

В граф. 2 предоставлена информация о среднем возрасте респондентов от каждой партии. Средний возраст респондентов от отдельных партий варьировался между 37 и 50 годами, в то время как средний возраст для

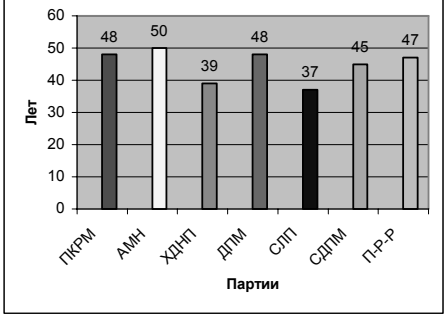
14 Анализ состава парламентской фракции АМН выявил похожий уровень доминирования представителей мужского пола. Так, на момент проведения опроса, когда фракция АМН состояла из 24 членов, женщины составляли 8,3% состава фракции. В начале 2007 года, **когда численность членов фракции АМН сократилась до 13, женское представительство сократилось до 0. Гендерная ситуация** в остальных парламентских группах партий, участвовавших в нашем исследовании, выглядела, на момент проведения опроса (декабрь 2005 г.), следующим образом: ПКРМ (56 членов): 76,8% мужчин, 23,2% женщин; ХДНП (10 членов): 50% мужчин, 50% женщин; ДПМ (7 членов): 71,4% мужчин, 28,6% женщин; СЛП (3 члена): 66,7% мужчин, 33,3% женщин; Независимые (1 депутат): 100% мужчин, 0% женщин.

15 Согласно Уставу СЛП, женщины имеют как минимум 30% представительства во всех партийных структурах, в том числе в списках кандидатов на парламентских или местных выборах. Следствием этого уставного положения является тот факт, что из 3 депутатов от социал-либералов одна женщина.

16 Сравнительный анализ представленности женщин в политике стран Восточной Европы представлен, например, в Nida Gelazis, Women in East European Politics (Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2005).

полной выборки респондентов составил 45 лет.

График 2.Средний возраст респондентов



Как видно из графика, самым высоким оказался возраст респондентов от АМН, самым низким – у респондентов СЛП. Средний возраст респондентов ПКРМ составил 48 лет, что выше среднего по выборке, однако является далеко не «пенсионным». Низкий средний возраст респондентов СЛП и ХДНП подтверждает распространенное мнение о том, что молодые политики широко представлены в различных органах этих партий.